

Ирина Стояновна Горюнова

Армянский дневник. Цавд танем

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10854449

*Горюнова, И. Армянский дневник. Цавд танем: РИПОЛ классик; Москва; 2015
ISBN 978-5-386-08517-9*

Аннотация

Этот дневник не путеводитель по Армении, не описание достопримечательностей, кухни и традиций, а внутреннее осмысление великой страны, наследницы древнего Урарту, восприятие необычное, в котором лиричность и трагизм переплетаются воедино, в многоголосую симфонию, звучащую среди скал, ущелий и древних храмов. Это путешествие неожиданно привело автора не только к восхищению самой страной, культурой, людьми, но и к глубокому сопереживанию, вызванному трагедиями геноцида и Карабахского конфликта. Лирические заметки об армянском алфавите, ереванской архитектуре, Гюмри, Гегарде, Гарни, Нораванке дополняются прекрасными легендами, а затем сменяются полными гнева и боли записями, призывом к каждому человеку – думать, сострадать, учиться изменять мир к лучшему, проявлять гражданскую позицию, не ограничиваться кругом мелких житейских дел. Но на самом деле объяснить, о чем «Армянский дневник», невозможно. Его нужно только читать. Запоем, захлеб, сразу и до последней строчки, не отрываясь, чтобы потом вернуться к его началу и, уже медленно смакуя его неповторимую образность, читать заново.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Ирина Горюнова

Армянский дневник. Цавд танем

Я посвящаю эту книгу Армении, моим друзьям и знакомым, с которыми меня на этой земле свела судьба, а также всем погибшим от какого-либо проявления геноцида и их скорбящим родственникам

© Горюнова И., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2015

* * *

Армения притянула меня к себе властной рукой три года назад и с тех пор не отпускает: в эту страну я приезжаю снова и снова, с каждым днем узнавая ее все лучше. Она проникает в меня, словно я родилась там, но потом позабыла и вдруг, неожиданно, вернулась. Она проникает в мои поры, генную структуру, впитывается на молекулярном уровне. И я знаю, что она тоже любит меня, отвечает такой же пылкой привязанностью, позволяя любоваться ею, изучать ее и писать о ней. Когда-нибудь я напишу о ней роман, он уже существует в моих мыслях, бьется в солнечном сплетении и ждет своего часа.

Удивительное путешествие на «Литературном Ковчеге», собравшем писателей из разных стран мира, а потом и участие в «Форуме издателей и переводчиков стран СНГ и Балтии» не только подарило мне новое, глубинное понимание Армении и еще большую любовь к ней, но и изменило что-то во мне самой, помогая понять себя, убрать наносное, лишнее, неестественное.

Я ставила свечи во всех храмах, которые посещала, а их было немало. Нет, я ни о чем не молила – я благодарила Бога, судьбу, организаторов, которые сочли возможным пригласить меня и подарили место в этом «Ковчеге», просила мироздание хранить эту чудесную библейскую страну, чтобы любые невзгоды обходили ее стороной и она оставалась такой же чистой, светлой, радостной и прекрасной, какой ее увидели мои глаза и почувствовало сердце.

* * *

В аэропорту и потом в разных других местах со мной часто заговаривали на армянском, принимая за свою, и я жалела, что не понимаю этого языка, гортанного, страстного...

Армянский алфавит похож на произведение искусства, каждая буква любовно выточена и сакральна, как истина, а произносимые слова на слух кажутся шаманскими заклинаниями. На этом языке можно проклинать врагов и наводить на них порчу, а можно признаваться в любви, пламенеть от сжигающих чувств, и приносить обеты. Во мне зарождается желание выучить его когда-нибудь, а пока я знаю только несколько слов: арэф – солнце, джан – дорогой... Арэф-джан...

В Ошакане, где похоронен Месроп Маштоц, создатель армянского алфавита и основоположник армянской литературы и письменности, я люблюсь на буквы-памятники, ажур-

ные, цвета гор, теплеющих под ласковым солнцем. Армения притягивает меня к себе: я хочу читать ее литературу, слушать дудук, смотреть фильмы, изучать историю, говорить с ней на одном языке... И хотя практически все армяне знают русский, я, наверное, впервые в жизни хочу говорить на их языке, без необходимости – но из любви.

Пока, только пока я знаю другой армянский алфавит: Арарат, Арагац, арэф, Асатур, Арташес, Артур, Арман, Ани... Ван, Варнашен... Гарни, Гегард, Гюмри... Давид, джан, Джермук... Звартноц... Ереван... Каскад, Кизил... лаваш, ламаджо... Матенадаран, Мормашен, Мариам, Момик... Наира, Нерсес, Ной, Нораванк... Ованованк, Ошакан... Параджанов... Раздан, Рубен... Сагмосаванк, Сарьян, Севан, сирд, Сурб Рипсима... Татев, Тигран, Туманян... хачкар, Хор Вирап, Цахкадзор... Шаке... Эчмиадзин...

Этот алфавит трудный, я еще мало знаю, но учусь ему, как прилежный и старательный ученик.

* * *

Ереван всегда встречает меня теплом и солнцем, согревает тело, душу, сердце, глаза... В прошлом году из номера моего отеля я каждое утро видела Арарат и здоровалась с ним, выходя на балкон, он ни разу не закрылся от меня, не прятался, а позволял любоваться собой и своей величественной, гордой красотой. Я люблю здания Еревана, его архитектуру: весь город будто бежевая, розовая, сиреневая мечта благодаря изумительным оттенкам добываемого туфа, из которого строятся дома. И я люблю армянские храмы, зачастую взбирающиеся на горные склоны, неприступные, глядящие в провалы ущелий... Они не раскрашены, подобно жрицам любви, как многие храмы иных стран, и поэтому естественны и близки мне. Очень часто там нет даже служителей, продающих свечи, лежит только картонка с написанной фломастером ценой: клади монетку и бери, а если монетки нет – бери так, Бог поймет, что тебе это нужно, потом занесешь... Даже в действующих храмах, где проводятся службы, тебя никто не выгонит только за то, что твоя голова не покрыта платком, а юбка выше колена – иди, родная, молись, люби...

* * *

Друзья в Армении приобретаются удивительно быстро. Они появляются и остаются навсегда. И с каждым разом их становится все больше. Когда мне говорят: «Увидишь такого-то, передай привет», я не удивляюсь, потому что такая встреча вполне возможна и естественна. Мой знакомый Игорь Левичев из Феодосии просит передать привет Георгу Гиланцу из Еревана. Передаю. Мои друзья гуляют со мной по улицам, ездят в храмы, заводят в самые неприметные, но настоящие таверны, где угощают лучшими национальными блюдами, винами, кофе... Они спрашивают о моем самочувствии и настроении, улавливая его малейшие оттенки, но при этом не забывают о тактичности, ощущая, когда и какая дистанция между нами допустима, чтобы не нарушить границы личного комфорта...

Армения для меня началась с писателя Рубена Ишханяна, посмотревшего одну из передач Виктора Ерофеева «Апокриф», где я участвовала. Он нашел меня в Интернете в одном из блогов, мы начали переписываться, общаться, а потом Рубен пригласил меня на «Форум издателей и переводчиков стран СНГ и Балтии», куда я и приехала осенью 2011 года. Я и Армения – это была любовь с первого взгляда. Не могу сказать, что успела объехать весь мир, но была во многих местах, оставлявших меня равнодушной, как и в местах, чудившихся близкими, родными, восхищавшими меня (например, в Горной Адыгее, Смоленском поозе-

рье), но такой глубокой любви я еще не испытывала. Армения потихоньку прокрадывалась в мое сердце все глубже и глубже, показывая не только свой притягательный внешне облик, но и внутренний мир, его горделивую красоту, безыскусную печаль, неугасимую боль... Рубен – талантливый писатель, еще молодой, ищущий свой путь, постоянно совершенствующийся, растущий... Он никогда не навязывался, но всегда был готов помочь, стоило только попросить. Еще в первый мой приезд помог организовать презентацию моих книг в музее Туманяна, сводил в лавочку русских книг, знакомил с другими участниками форума.

Армения – место не только удивительных открытий, но и удивительных знакомств с людьми, приезжающими туда из разных стран, с разных концов света. Иногда именно там я знакомилась с людьми, приехавшими из Москвы. Не знаю, столкнула бы меня с ними судьба в родном, живущем в безумном ритме мегаполисе или мы так и продолжали бы идти параллельно, но я рада, что наши судьбы перекрестились в благословенном и гостеприимном Ереване...

Когда в первый раз переступаешь порог армянского дома, приходишь туда с открытым сердцем, тебя ждет оглушительно горячий прием, его двери распахнуты настежь. «Ираджан, – говорят мне, – ты всегда желанный гость. Ты в любую минуту, в любой момент найдешь тут еду, уют и любовь». И я понимаю, что это действительно так и что в ответ я сделаю то же самое, потому что только любовь порождает любовь, а добро – добро, тогда как зло способно принести лишь ненависть, боль и страдания, разрушения, войну, смерть... Но не будем о плохом. Тут дети любят и почитают родителей, а родители любят своих детей и гордятся ими. Тут царят истинные семейные ценности, и даже если прощение когда-либо будет нужно, оно будет дано, хотя их горячий и вспыльчивый характер никто не отменял...

Я знаю, мне многие могут сказать, что я идеализирую, рисую сказку, но я хочу ее рисовать, потому что, когда вижу ее, она превращается в реальность. Мироздание дарит мне такую Армению, которую я хочу видеть. Пусть я смотрю через розовые очки, тогда как другие надевают черные и мутные стекла...

Снимите их немедленно, и вы увидите все другими глазами!

* * *

Приезжаю в гостиницу «Арагат». Номера там огромные, класса люкс, – можно ездить на велосипеде, да к тому же предусмотрены все возможные потребности клиента: в наличии не только шампунь, гель для душа, расческа, халат и тапочки, не только чайник, чай, кофе, сахар, вода, мини-бар, но даже Новый Завет в каждой тумбочке, чтобы улаждались не только телесные, но и духовные запросы постояльцев.

Гостиница очень душевная, так же как и находящийся неподалеку «Конгресс», в котором я раньше бывала. Бар в зимнем саду на первом этаже довольно примечателен. Во-первых, там висит клетка с канарейкой, залиvisto поющей на весь отель. Ее слышно даже в номере. Поначалу кажется, что это такая фирменная уловка, повторяющаяся аудиозапись, а потом оказывается, что птичка живая, просто акустика гостиницы повсюду разносит ее трели. Во-вторых, там же, посреди зала, устроен небольшой фонтан. Усмехаюсь. В этом году границу между углублением, где уже плещется вода, и самим полом заботливо обставили цветочными горшками, поскольку без этого ограждения там неоднократно оказывались русские поэты, устремленные душой ввысь и не замечавшие опасной ловушки. Действительно, кафель на полу и под водой идентичны, бордюра нет, и подвыпивший поэт, целенаправленно

пересекающий центр зала навстречу другу, вполне мог не заметить тонкую границу с хлябью и принять неожиданную водную процедуру.

Узнав, что я уже в Ереване, мой друг Рубен Пашинян заезжает за мной в гостиницу, и мы идем гулять.

Радостно примечаю уже знакомые улицы и дома.

В первый раз спускаюсь в метро. Проезжаем одну остановку и выходим.

Нас ждет маленькая таверна, где подают вкуснейшие лепешки с зеленью: там десять или пятнадцать видов трав. Просто, но очень вкусно. И, конечно, вино.

Ненадолго забегаем на ужин к только что приехавшим ковчеганам, еще не освоившимся, немного смущенным и скованным, чтобы поздороваться, и снова уходим бродить.

В кафе «Шоколадница» в центре города ненадолго делаем остановку: там играет живая музыка и подают прекрасное гранатовое вино. Меня захлестывает невыразимое ощущение счастья... К тому же Рубен прекрасный собеседник, умный, живой, интересный... Актер, режиссер, журналист, бравший интервью у многих мировых звезд, писатель, а самое главное, тонкий и душевный человек... Мы познакомились с ним в прошлом году на форуме издателей и переводчиков и стали общаться... С упоением читала его удивительные, полные искрометного юмора прозаические миниатюры...

Вечером сажусь дописывать роман, который должна скоро отослать в издательство:

В аэропорту меня встречает двадцатилетний юноша-волонтер, начинающий актер, стремящийся завести знакомства со звездами, чтобы прикоснуться к их удачливой фортуне, взять себе ее толику, изучить механизм успеха, его рабочую модель и пробиться на звездный олимп. Он предупредителен, вежлив и сразу сообщает, что находится в полном моем персональном распоряжении, и представляется: Артак. Равнодушно окидываю его взглядом, отмечая высокий рост (метр девяносто с лишним), стройную фигуру, иконописные карие глаза с неправдоподобно длинными черными ресницами и большие пухлые губы, изящно и чуть капризно изогнутые, – ясно: безусловный баловень и любимец девочек, очередной ловелас, относительно недавно инициированный к поголовному соращению женского пола и завоеванию сердец.

Артак провожает меня до гостиницы, ловко управляясь с багажом, помогает получить номер и остается ждать внизу, чтобы сопровождать на открытие кинофестиваля.

* * *

На следующий день пропускаю экскурсию в Матенадаран – крупнейшее хранилище древнеармянских рукописей (я там была уже два раза). Вместо этого мы с Рубеном Пашиняном едем в одно из моих самых любимых мест: Сагмосаванк. Это минут сорок езды от Еревана.

Проезжаем мимо горы, похожей очертаниями на лежащего великана. Рубен рассказывает легенду.

Наслышанная о необыкновенной красоте Ара Прекрасного, Семирамида (в армянских источниках Шамирам) возжелала добиться его любви и, овдовев, направила послов в Армению, которые должны были передать армянскому царю ее слова: «Приди, владей мною и

моей страной». Но у ассирийской царицы были хитроумные планы: путем нового замужества объединить две державы. Послы вручили армянскому царю символы власти – корону, скипетр и меч – вместе с предложением Семирамиды прибыть в Вавилон и, женившись на ней, царствовать здесь либо, исполнив ее сладострастное желание, вернуться к себе с великими дарами. Семирамида уже готовилась надеть свое знаменитое ожерелье из семи рядов крупных розовых жемчужин, которым она изумляла участников самых торжественных дворцовых приемов, но вернувшиеся послы передали царице отказ армянского царя, униживший ее. Ара стал злейшим врагом Семирамиды, и оскорбленная царица выступила против него во главе своей армии. Углубляясь в Армению, ассирийская армия упорно шла вперед. Семирамида приказала командирам взять Ару живым, но, к ужасу царицы, ее избранник был смертельно ранен в кровопролитном сражении у склона горы, которую народ называет Ара-лер, и мало кто помнит другое ее название – Цахкеванк. На том же месте впоследствии было основано село, по сей день называемое Араи-гях (село Ара). Семирамида послала на место битвы мародеров, чтобы те нашли Ару. Угасавшего царя перенесли в шатер Семирамиды, где он испустил дух. Царица велела жрецу Мирасу воскресить любимого, и тот, положив тело на вершине горы, стал вызывать псоглавых духов аралезов, спускающихся с неба зализывать раны убитых воинов и оживлять их. Мобилизовав свои резервы, армянская армия выступила против ассирийцев, мстя за царя Ару, но военачальники Семирамиды, рассчитав свои силы, убедили ее избежать новых боевых действий, грозивших вылиться в затяжную войну. Тогда Семирамида распустила слух о том, что она велела богам зализать его раны, и царь оживет, после чего покинула Армению...

Церковь на краю ущелья. В прошлом году мы приезжали сюда с двумя моими подругами, прямо в день отлета, и влюбились в этот мирный безлюдный уголок. Не успеваю еще выйти из такси, а меня уже встречает выросший за год щенок. Не знаю, вспомнил ли он меня, но, радостно обнюхав, дал погладить лобастую голову и повилил хвостом. С досадой думаю о том, что надо было захватить для него угощение. Теперь до следующего раза. В прошлом году у нас случайно оказалось с собой молоко, и нам удалось облагодетельствовать им местную кошку.

Рубен отважно лезет за мной по камням ближе к кромке ущелья, несмотря на то что сам признается в боязни высоты. Но разве армянский мужчина может себе позволить оставить женщину без присмотра?! Тем более если она слегка бесшабашная... Он терпеливо фотографирует меня на краю пропасти у каждой привлекающей мое внимание каменной глыбы... В этот день нам не слишком повезло с погодой: свинцово-серое небо без единого небесно-голубого просвета и пронизывающий ветер, поэтому мы не слишком долго ходим по краю, сетуя на отсутствие согревающих напитков: не догадались захватить их с собой... Жалею, что забыла в Москве свой варган: вот где надо на нем играть!

Понимаю, что в Армении во мне просыпается жадность изголодавшегося, измученного отнюдь не телесным голодом человека. Жадность захлебывающаяся, упивающаяся впечатлениями, красотой природы, естественными, щемяще простыми храмами... Скрытая в глубине сердца заветная мечта, полная затаенной тоски по открытым, распахнутым навстречу гостю или другу сердцам, дружелюбию, гостеприимству, искренности, вдруг превращается в ошеломляющую реальность, от которой уже отвыкла душа, худо-бедно приспособившаяся к стремительному ритму мегаполиса, волчьим законам, формальному общению... Сытость телесная, стремление к материальным благам и комфорту заставляют приносить в жертву золотому тельцу часть своей души, маленькую, незаметную, не слишком на первый взгляд необходимую... Мы учимся ценить свое время, распределяя его рационально: большую часть отдаем работе, поменьше – семье и развлечениям, отдыху, еще

меньше – близким друзьям, если останутся какие-то крохи – родителям, и – всё. Знаменитое русское гостеприимство нынче воспринимается как атавизм, пережиток прошлого, устаревшее понятие, лишённое смысла и практически не используемое.

Зримая естественность древних храмов, не изувеченная позолотой, не искаленная фанатизмом сумасшедших богомолиц, готовых обрушить проклятие на любую женщину, не покрывшую голову платком, рождает восторженное упоение, желание молиться и благодарить за невозможно прекрасный подарок. Скалистое ущелье молчаливо поет песнь ветра, резонируя в душу. Соединение земного и вечного, зримого и ощущаемого лишь на уровне интуиции, сакрального, простого и величественного, виртуозно сочетаемого здесь, на небольшом клочке земли, рвало привычную картину мира. И чем больше раскрываешь свое сердце навстречу, тем сильнее начинает томить жажда вкушать этот божественный напиток, живительную амброзию, возвращающую твою изначально непорочную суть, смывающую наросший на нее шлак, известковую накипь ненужных условностей, жалких мечтаний, постыдных соглашений и уступок.

* * *

Возвращаемся в Ереван, чтобы попасть на открытие «Литературного Ковчега», проходящее в «Каскаде», находящемся между улицами Московяна, Баграмяна и проспектом Месропа Маштоца, прямо за зданием Театра оперы и балета.

Помпезная лестница из молочного туфа с фонтанами, цветочными клумбами и ночной иллюминацией строилась, чтобы соединить нижний и верхний город, но внутрь можно попасть и по эскалатору, необязательно карабкаться по ступенькам. С верхней площадки «Каскада», на которую еще надо взобраться (кто какой путь выберет), открывается фантастическая панорама Еревана, вот только последний пролет до монумента «Возрожденной Армении» пока не достроен.

На Каскаде регулярно проходят концерты живой музыки прямо на открытом воздухе, а внутри находится центр искусств – картины, инсталляции, скульптуры... Но наша цель – конференц-зал, где будет происходить торжественное открытие литературного форума.

Вижу много знакомых лиц: Нерсес, Лилит, Ани, Рубен... Ко мне подходит Давид Матевосян и предлагает произнести несколько приветственных слов. Удивляюсь такой чести, но я так люблю Армению, что говорить об этой любви могу бесконечно. Тем не менее ограничиваюсь парой фраз, чтобы не утомлять излишним красноречием собравшихся.

Торжественная часть небольшая, не слишком официозная, а удивительные музыкальные номера заставляют замирать сердце от красоты хора, музыки и всего происходящего...

Выступает уникальный армянский хор «Hover» – что в переводе означает ветер. Это известный камерный хор, гастролирующий по всему миру, завоевавший множество призов, но я слышу его впервые и рада, что эта встреча случилась. Мужчины и женщины в черных, длинных – до пола – балахонах выходят на сцену. Музыка и тексты хора духовные, сохраняющие народные традиции и в то же время современные... Одновременно с этим приходит ощущение, что эта музыка подобна сказке, легенде, музыкальному эпосу, своим собственным неповторимым языком повествующим об истории Армении. Их вокал мистически трансцендентен, и душа моя звенит от восторга, хотя не могу сказать, что я меломан, скорее наоборот – признаюсь, что по большей части для меня лучшая музыка – тишина. Но не в этом случае.

Начинается легкая суэта. Меня вытаскивают из зала, чтобы взять несколько интервью и договориться о следующих. Лихорадочно отвечаю на вопросы со всех сторон. Когда ажиотаж спадает, бросаюсь выяснять, когда и где у меня выступления, чтобы успеть подготовиться и ничего не пропустить. С интересом смотрю фильм о прошлогоднем «Литературном Ковчеге». Получаю в подарок фирменный портфель с книгами авторов, участвовавших в этом проекте ранее. Сразу привлекает внимание книга «Арагатское притяжение». Заглядываю мельком, жалея, что не могу погрузиться в чтение сразу. Я буду ее читать долго, растягивая удовольствие. Особенно мне запомнятся «Письма с Ковчег» Виктории Чембарцевой, созвучные моей душе настолько, что кажется, будто их могла написать я, хотя конечно же нет... Не могла... Так же как не могла бы написать «Уроки Армении», созданные Андреем Битовым. Просто мы все попали под властное очарование этой страны и стали ее вечными поклонниками. Но при этом у каждого из нас свое видение и свой голос...

После открытия мы идем на экскурсию по Каскаду. Первоначально (в 1960 году) на этом месте был построен только один искусственный водопад-фонтан по проекту Вардана Юсаняна. На задней стенке водопада была выложена уникальная мозаика – рыбки из цветных камешков (автор Дереник Даниелян). Вокруг водопада насыпали красный туфовый песок. С 1971 года начал реализовываться более крупный проект Джима Торосяна, Саркиса Гурзадяна и Аслана Мхитаряна, но строительство приостановилось сначала в 1988 году из-за землетрясения, а потом в 1991 году в связи с распадом Советского Союза. Благодаря американскому меценату Джерарду Гафесчяну, строительство Ереванского каскада было закончено к 17 ноября 2009 года.

Ереванский каскад имеет ряд необычных архитектурных решений. Например, вода в каскаде падает из труб, образующих разные узоры, в том числе – традиционные символы Армении.

В небольшом темном зале висят прозрачно-белые сети, внутрь которых помещены ограненные кристаллы сваровски... Странные каплеобразные инсталляции искусно подсвечены изнутри и вызывают ощущение нереальности увиденного, словно находишься посреди таинственной пещеры причудливого мира, где то ли собраны сокровища разума, то ли ждут своего часа для появления на свет взращиваемые чьей-то волей инопланетные эмбрионы...

В другом помещении вижу три картины, на которых изображены куры. Их написал американский художник Даг Агью. На двух из них портреты кур – головы птиц крупным планом, на третьей – огромный ряд клеток, уходящий вдаль, в бесконечность. В каждой из клеток – курица... Возможно, вам покажется это смешным и даже нелепым, но у меня сразу возникают ассоциации с человеком и человечеством в целом. Каждый из нас томится в такой же клетке, не имея возможности выбраться на волю... Хорошая обложка для книги могла бы получиться, между прочим... Остальные же два портрета не менее говорящие: головы кур почти человечески, а их красные хохолки и веки напоминают капли крови, стекающие по грязновато-серым замызганным перьям. Непрозрачно-черный взгляд обреченно печален. «Зачем?» – словно спрашивает он. В нем нет боли и страдания, только этот недоуменный вопрос и покорность, страшная в своей сути...

На одной из открытых площадок Каскада глядят сверху на город три дерева... Дать им какое-то определение сложно: это не скульптуры и не инсталляции... Сделанные из серебристого металла изогнутые стволы подобны волне, устремленной вверх, а плоды и листья отлиты из разноцветного стекла или пластмассы. В моей личной интерпретации это соотносится с богатством культуры и красотой Армении, с ее многогранностью, многоцветно-

стью и великолепием, а изогнутые металлические стволы напоминают о том, что мощный ее стержень может слегка наклониться, но никогда не сломается...

Мы потихоньку начинаем знакомиться со всеми ковчезанами, попавшими на этот удивительный корабль, несущий нас по просторам Еревана и обещающий вскоре vyplыть за пределы этого города... Но сначала дружеский ужин, радостные улыбки, первые фразы, обмен мнениями... Утром нас ожидают новые интервью и встречи...

Мне сразу, с первого мгновения пребывания, здесь стало понятно, что моя героиня непременно должна приехать в Ереван и найти здесь свою любовь. Открываю компьютер, увлеченно пишу...

Там все как обычно: привычная атмосфера равнодушно фланирующих гостей, зыбкое марево вязких разговоров: деловых, сексуально ориентированных, ехидно-подкалывающих и уничижающих, разнообразие вин, костюмов и декольте, декорированных блестящими камушками разной стоимости, в зависимости от доходов их владельцев... Осознание бессмысленности действия накрывает меня с головой. Высокое искусство – утопия, рождающая чудовищ, тронутых проклятием трамонтаны – холодного шквалистого северного ветра. Касание их ладоней – влажных от пота, шкурчато-сухих, то холодно-скользких, то горячечно-пылающих – неприятно, порой даже омерзительно. Плакатно-эталонные манекены, позирующие под фотовспышками, выставка раздутого тщеславия, гул которой перекрывает тарахтение кинопроектора, выкрики папарацци, аплодисменты зрителей... Эти позы знают, что лучший способ привлечь внимание к своей персоне – не гениальный фильм, а пошлый скандал с непристойными подробностями, неожиданный выверт, грязное бельецо, вывешенное вдруг на всеобщее обозрение... Они даже сами помогут получить журналам (иногда, для пущей интриги, через подставных лиц) иллюстративный материал к сочиненной креативщиками «утке», а потом, довольные произведенным эффектом, раздуют немислимый скандал, с воплями о чести и достоинстве понесутся в суд разыгрывать очередной фарс – подделку под древнегреческую трагедию, чтобы лишний раз попозировать, дать интервью, засветиться на телевидении...

Артака всего этого еще не знает в силу юного возраста, некоего идеализма и нежелания видеть факты, разрушающие мечту. Так мне кажется. Его взгляд слишком лучист. Хотя иногда он отпускает такие комментарии, что я понимаю: наивность не такая уж и чрезмерная, как может показаться на первый взгляд... А может, мальчик просто старается казаться таким, чтобы выделиться из толпы?.. Живые манеры его не настолько откровенны, чтобы выглядеть смешным, но скорее притягивающим, ведь мухи всегда слетаются на мед. Расхлябанно виляющие бедрами актрисы, откровенно или исподтишка, бросают ему зазывные взгляды и улыбки. «Голубоватые» продюсеры и режиссеры оценивающе окидывают фигуру, сглатывая слюну возжелания и примеряя его в качестве очередной любовной версии. Но от моего сопровождающего все отскакивает, как теннисные мячи от ракетки.

* * *

На следующий день выясняется, что после обеда часть приехавших писателей свободна от мероприятий. Организаторы мгновенно берут ситуацию в свои руки, красавица Ани заказывает мини-автобус, и мы, несколько счастливых, едем в новое удивительное место, радуясь неожиданному сюрпризу.

Каньон у церкви Ованаванк. Пронзительная оглушающая тишина. По склону к маленькой речушке спускаются коровы, лениво подбирая мягкими губами пожухлую, выжженную солнцем траву... Худые, мосластые, они мерно покачиваются в едином ритме движения

стада... Слышен гортанный выкрик пастуха, подгоняющего животных... Располагаемся на камне перед провалом... Закатное солнце золотит камни, траву, стены древнего храма...

Роберт сидит рядом, скрестив ноги. Большие, иконные глаза с длинными ресницами полуприкрыты... Он тихо напевает что-то на армянском, словно заклинает пространство... Задумываюсь над тем, что мужчины этой страны смогли остаться мужчинами, а женщины – женщинами... Остается завидовать им, с горечью понимая, что большая часть русских это потеряла... Может, из-за Великой Отечественной войны, когда после ее окончания дефицит мужчин привел к тому, что родившихся мальчиков излишне боготворили, а женщины повсеместно становились ударницами труда, выполняя тяжелую, порой непосильную физическую работу, может, из-за пришедшего с Запада фе минизма, а потом и распушенности нравов, и якобы ха ризматично-модного термина «бизнес-вумен»... Не знаю...

Начинает казаться, что я родилась не в той стране, не там, где могла бы быть счастлива... Впрочем, это все глупости – я та, кто я есть, и, может быть, родился я на этой земле, воспринимала бы все как должное, не видя и не ценя то, что вбираю в себя сейчас с такой любовью...

И все же здесь мне хочется чувствовать себя в первую очередь женщиной, за которой будут ухаживать, которой будут восхищаться, говорить комплименты, бросаться на помощь, подавать руку, а иногда и решать за нее... Я так привыкла быть жесткой, требовательной, отдающей распоряжения, умеющей ценить время, вести переговоры, добиваться решения поставленных задач, исполнения обязательств, что переносу этот стиль общения и в личную, повседневную жизнь, не замечая и не осознавая этого, а если и обнаруживая, с грустью осознавая невозможность изменений.

Здесь меня накрывает непривычное смущение, смятение от выявленной неправильности и нелогичности такого поведения для моей женской сути, постыдное ощущение, что я веду себя подобно неуклюжему слону в посудной лавке. Головокружительно соскальзываю к изначальной женскости. Пусть упрекают меня воинствующие феминистки, отстаивающие пресловутые свободы, которые никто не собирается у них отбирать, я говорю только о собственном восприятии и осознании, ни в коем случае не пытаюсь навязывать свою точку зрения или учить жизни. Я ощущаю неправильность лишь своего поведения, собственного диссонанса, сравнимого, к примеру, с тем, как подросток из хулиганских побуждений, юного бунтарства и недостатка воспитания выцарапывает гвоздем на стенах храма «Здесь был Вася» и, пойманный за этим занятием, краснеет и вдруг понимает глупость и невежественность своего поступка.

Приехав в Армению как писатель, я, конечно, хотела увидеть больше того, что уже показала мне Армения за прошедшие два года, хотя добавочной мотивацией было не только общение с писателями разных стран, но и какая-то возможная польза от новых знакомств, связей, потенциальных партнеров. Но я перестала думать о какой-либо пользе мгновенно, сразу переключившись на безупречно чистый регистр, органично резонирующий с ошеломляющей страной. Каждодневное увеличение амплитуды этого резонанса было лишь следствием, причина же таилась в совпадении внешней частоты – Армении – с частотой внутренней – моей собственной. Это невозможно описать так, чтобы человек, никогда не бывавший в этой стране, понял и ощутил нечто схожее, поскольку разница между фотографиями, эскизами, набросками и оригиналом колоссальна.

Думаю о том, что музыка, архитектура, литература, живопись и даже кухня несут на себе отпечаток геной структуры Армении, ее горячей крови. Гранатовое вино, немного

сладковатое, чуть терпкое, с характерным фруктовым привкусом, нектаром-наваждением окропляет губы, услаждая рецепторы языка. Пригубив его, я словно вбираю плоть и кровь страны, совершая священный обряд, причащаясь.

Библейское небо торжественно, как в первые дни творения... От этой красоты захватывает дух и хочется кричать, но громкие звуки кажутся тут неуместными... Беспредельное счастье и легкость... Крылья за спиной расправляются... Рядом бродят другие участники «Ковчега»: Василий Ерну из Румынии, Олег Панфил из Молдовы, Гурам Мегрешвили из Грузии, Зюзанна Клепова из Словакии (ласково все звали ее Зюськой), Иоланда Кастано из Испании...

На другой стороне каньона стоит старик и что-то кричит, но слов разобрать не удается, слышно только слово «Ереван», остальное уносит ветер... «Инч?»¹ – кричит Роберт, складывая ладони лодочкой. Старик жестикулирует, повторяет фразу, но безрезультатно... «Инч?» – опять спрашиваем мы. После нескольких попыток тот досадливо машет рукой и уходит. Пообщаться не удалось...

Наконец обращаю внимание на монастырский комплекс: базилику Сурб Григор V века и Сурб Карапет (1216–1221) – главную церковь монастыря, в которой находится один из немногих в Армении иконостасов. С севера к храму примыкают руины церкви первых христиан, относящейся к началу IV века... Ставлю свечи...

Роберт торопит нас всех – пора возвращаться в Ереван, после ужина назначена важная встреча, но я вижу, что и ему не хочется покидать это мистическое, полное достоинства и внутренней силы место. Мечтаю о том, чтобы именно здесь послушать игру на дудуке или на саксофоне, представляя, насколько пронзительными могут быть ощущения от сочетания музыки и пространства... Здесь я начинаю любить музыку, не изменяя любви к тишине... В следующий приезд обязательно привезу варган...

Моя любовь к Армении многогранна и многолика: это и неизмеримое чувство радости, гордости матери, обращенное к сыну, и преданное восхищение ученика мастером, и наивная, робкая готовность обожания невесткой будущей свекрови, и ответственность ангела-хранителя за доверенную ему душу, и пылкая, безудержная страсть влюбленной женщины, безоглядно вручающей себя избраннику...

На обратном пути подсчитываю дни, оставшиеся до отъезда: слава богу, еще не скоро и можно хмелеть от воздуха Армении, утоляя жажду большими глотками, – тяжкое похмелье, абстинентный синдром наступят лишь по возвращении...

* * *

После ужина приезжаем в музей Параджанова, где кроме экскурсии нас ожидает встреча с премьер-министром Армении и министром культуры. Представить себе это в России более затруднительно – такие встречи на уровне первых лиц государства обычно происходят весьма пафосно, с более строгим отбором гостей и уж никак не в музее и не в десять вечера... Это сразу располагает к доверию и открытости... Спасибо вам, Тигран Суренович! Спасибо за отсутствие пафоса и неформальную обстановку, за то, что не поторопились уйти, исполнив протокол, а ходили и разговаривали со всеми нами, за то, что мы не видели

¹ Что?

в ваших глазах скуки, а чувствовали искреннюю заинтересованность. И вам, Асмик Степановна, большое спасибо!

Великий Параджанов не жил в Армении, но завещал все свое наследие родине предков. Именно поэтому и был создан музей, гордость которого – уникальная коллекция режиссера: керамика, куклы, рисунки, ассамбляжи, эскизы к фильмам, личные вещи...

Директор музея Завен Саргсян (известный фотограф и друг Параджанова) встретил нас у входа и радушно развел руками: гуляйте, смотрите... А потом мы с Василием Ерну как-то оказались у него в кабинете, и нас ждали новые сюрпризы: выдержанный коньяк и уникальные снимки самого Саргсяна. Я не удержалась, набралась космической наглости и выпросила одну из его фотографий: разумеется, с Араратом. Он заботливо переложил ее картонками, убрал в плотный конверт и потом – в пакет. Я везла ее осторожно, как ребенка, мечтая о том, что, когда вернусь, сразу закажу рамку, стекло и буду каждый день смотреть на потрясающий снимок. Спасибо вам, Завен! Вы так увлеченно рассказывали об удивительных храмах Армении, об их уникальности, архитектурных особенностях, что встреча с вами стала для меня неожиданным и дивным подарком!

Завен лирично и просто, без пафоса повествовал о непростой судьбе своего знаменитого друга, о женщинах, которых тот любил, о трагических историях, походящих на сюжет для кино... Рассказывал, что во время учебы во ВГИКе Сергей влюбился в Нигяр, девушку-татарку, родом из Молдавии.

Их знакомство произошло случайно. Зайдя в ЦУМ, Сергей в парфюмерном отделе вдруг увидел девушку, которая произвела на него сильное впечатление. Чуть ли не в тот же день Сергей пригласил ее на свидание. Их роман длился несколько месяцев и закончился браком. Однако счастье оказалось недолгим. Нигяр происходила из семьи, в которой царили весьма суровые, обусловленные традицией нравы. Когда в Москву приехали братья девушки и узнали, что она без ведома родственников вышла замуж, то потребовали у Параджанова крупный выкуп. У студента Параджанова таких денег не было, но он пообещал достать их, надеясь на помощь отца. В тот же день Иосифу Параджанову в Тбилиси полетело письмо, в котором сын буквально умолял дать ему требуемую сумму, обещая со временем обязательно ее вернуть. Но Иосиф был слишком обижен на сына за то, что тот изменил семейной традиции, не пошел по стопам отца, и в просьбе отказал.

Финал этой истории оказался трагичен: родственники потребовали от девушки, чтобы она бросила нищего мужа и вернулась с ними на родину. Та отказалась. Тогда родственники поступили с ней согласно своим диким нравам – сбросили ее под колеса электрички.

В середине пятидесятых годов, находясь в Киеве, Параджанов женился на украинке, два года прожившей в Канаде, Светлане Щербатюк. Элегантная, красивая, она вполне могла быть фотомodelью. У них родился сын, которого назвали Суреном. Белокурый, как и его мать, мальчик внешне мало что взял от отца, который его обожал. Но жить в семье с Параджановым было сложно. Он был человеком непредсказуемым, странным, и многие его причуды воспринимались людьми как безумие. Соседи Параджанова по Тбилиси, когда он чудил, обычно говорили: «Сумасшедший на свободе». Свою жену Параджанов заставлял принимать участие в его мистификациях и причудах. Он настаивал, чтобы жена чистила яблоки каким-то определенным способом, ставила на стол чашку только так, как ему нравилось, укладывала на блюдо котлеты в определенном порядке.

Судя по всему, Светлана Щербатюк так и не сумела приспособиться к причудам мужа и в 1961 году, взяв с собой сына, покинула его дом. Но Параджанов навсегда сохранил в своем сердце любовь к этой женщине. Рассказывают, что когда он впервые увидел в Киеве

известную актрису Вию Артмане, то грохнулся перед ней на колени, произнося восторженные слова восхищения. Внешне Артмане была очень похожа на его бывшую жену Светлану Щербатюк. И эта женщина оставила след в творчестве Параджанова: она снималась в автобиографической ленте «Исповедь» в образе молодой супруги, а один из эпизодов сценария был посвящен ее золотому локону.

Гениальность, особая творческая манера, собственный стиль – вот что можно сказать, посмотрев его картины. Например, «Тени забытых предков».

Журнал «Экран» (Польша) в 1966 году публикует статью о Параджанове, в которой говорится следующее: «Это один из удивительнейших и изящнейших фильмов, какие случалось нам видеть в течение последних лет. Поэтическая повесть на грани реальности и сказки, действительности и фантазии... Воображению Параджанова, кажется, нет границ. Красные ветви деревьев, геометрическая композиция внутри корчмы с немногочисленным реквизитом на фоне белых стен, Палагна на лошади под красным зонтом и с полуобнаженными ногами, грубость погребального ритуала с омовением умершего тела и сцена оргиастических забав в финале... Параджанов открывает в фольклоре, обычаях, обрядах самобытный культурный ритуал, в рамках которого действительность реагирует на беспокойство и трагедию личности».

Вспоминаю еще одну легенду, услышанную в Армении год назад.

Давным-давно, в незапамятные времена, была у царя Арташеса красавица дочь по имени Тамар. Глаза Тамар сияли, как звезды в ночи, а кожа белела, как снег на вершинах гор. Смех ее журчал и звенел, как вода родника. Слава о красоте Тамар шла повсюду. И царь Мидии засылал сватов к царю Арташесу, засылали их и царь Сирии, и многие другие цари и князья. И стал царь Арташес опасаться, что кто-нибудь придет за красавицей с войной или злобный вишап похитит девушку прежде, чем он решит, кому отдать дочь в жены. И велел тогда царь построить для дочери золотой дворец на острове посреди озера Ван, что издавна зовется морем Наири – так оно велико. И дал ей прислужницами только женщин и девушек, чтобы ни один мужчина не смутил покоя красавицы. Но не знал царь, что сердце Тамар уже не было свободно, что отдала она его не царю и не князю, а бедному Азату, который ничего не имел, кроме красоты, силы и отваги. И успела Тамар обменяться с юношей взглядом и словом, клятвой и поцелуем. Но воды Вана легли между влюбленными.

Знала Тамар, что по приказу отца днем и ночью следит стража за тем, не отплывает ли от берега лодка, направляясь к запретному острову. Знал это и ее возлюбленный. Однажды вечером, бродя в тоске по берегу Вана, увидел он далекий огонь на острове. Маленький, как искорка, трепетал он во тьме, словно пытаясь что-то сказать. И взгляды ваясь в даль, юноша прошептал: «Далекий костер, мне ли илешь ты свой свет? Не ты ли красавицы милой привет?» И огонек, словно отвечая ему, вспыхнул ярче. Тогда понял юноша, что возлюбленная зовет его. Если с наступлением ночи пуститься через озеро вплавь, ни один стражник не заметит его в темноте. А костер на берегу послужит маяком, чтобы не сбиться с пути.

Влюбленный бросился в воду и поплыл на далекий свет, туда, где ждала его прекрасная Тамар. Долго плыл он в холодных темных водах, но алый цветок огня вселял мужество в его сердце. И только стыдливая сестра солнца Лусин, взирающая из-за туч с темного неба, была свидетельницей встречи влюбленных.

Ночь провели они вместе, а наутро юноша пустился в обратный путь. Так стали они встречаться каждую ночь. Вечером Тамар разводила огонь на берегу, чтобы возлюбленный видел, куда плыть. И свет пламени служил юноше оберегом от темных вод, что раскрывают ночью ворота в подземные миры, населенные враждебными человеку водяными духами.

Но однажды утром царский слуга увидел юношу возвращающимся с озера. Мокрые волосы его слиплись, с них стекала вода, а счастливое лицо казалось утомленным. Слуга что-то заподозрил. И в тот же вечер, незадолго до сумерек, затаился за камнем на берегу и стал ждать. И увидел, как зажегся дальний костер на острове, и услышал легкий плеск, с которым вошел в воду пловец. Все высмотрел слуга и поспешил утром к царю с докладом.

Люто разгневался царь Арташес на то, что дочь его посмела полюбить, а еще более разгневался, что полюбила она не одного из могущественных царей, что просили ее руки, а бедного Азата! И приказал царь слугам быть у берега наготове с быстрой лодкой. Когда тьма начала опускаться, царевы люди поплыли к острову. Проплыв более половины пути, они увидели, как на острове расцвел красный цветок костра. И слуги царя налегли на весла, торопясь застать влюбленных во время свидания.

Выйдя на берег, увидели они красавицу Тамар, облаченную в шитые золотом одежды и умащенную ароматными маслами. Из-под ее разноцветной шапочки спадали на плечи черные, как агат, кудри. Девушка сидела на ковре и кормила огонь веточками можжевельника. Увидев незваных гостей, она в испуге вскочила на ноги и воскликнула: «Вы, слуги отцовы! Убейте меня! Молю об одном: не гасите огня!» И рады бы царские слуги пожалеть красавицу, но страшил их гнев Арташеса.

Схватили они девушку и поволокли прочь от костра в золотой дворец. Но прежде, по приказу царя, дали увидеть ей, как погиб огонь, растоптанный и раскиданный их сапогами. Горько плакала Тамар, вырываясь из рук стражей, и смерть огня казалась ей смертью любимого...

На середине пути был юноша, когда манивший его свет погас. И темные воды потянули его в глубину, наполняя душу холодом и страхом. Перед ним лежала тьма, и он не знал, куда плыть. Долго боролся он с черной волей водных духов. Каждый раз, когда голова обессиленного пловца показывалась из воды, взгляд его с мольбою искал во тьме заветный огонек, но не находил, и вновь плыл он наудачу, а водные духи кружили его, сбивая с пути.

И юноша выбился из сил. «Ах, Тамар! – прошептал он, последний раз показываясь из воды. – Что же ты не уберегла огня нашей любви? Неужели выпала мне судьба кануть в темной воде, а не пасть на поле боя, как положено воину?!» «Ах, Тамар, какая это недобрая смерть!» – хотел еще это сказать он, но уже не смог. Только хватило сил воскликнуть: «Ах, Тамар!» Эти слова подхватило эхо, голос каджи, духов ветра, и понесло над водами Вана: «Ах, Тамар!».

А красавицу Тамар царь велел навек заточить во дворец. В горе и скорби до конца дней оплакивала она своего возлюбленного, не снимая черного платка с распущенных волос.

Много лет прошло с тех пор, но все помнят об их горестной любви. А остров на озере Ван зовется с тех пор Ахтамар...

Меня же зовет собственная недописанная история.

Мой паж сопровождает меня везде и всюду, начиная с обязательных пафосных мероприятий, групповых экскурсий, придуманных для оригинальности в этом году, словно некий флешмоб, и до индивидуальных прогулок, не предусмотренных официальной программой. Он предупредительно подает руку, когда я спускаюсь по ступенькам экскурсионного автобуса... заботливо открывает дверь такси, усаживает, следит, чтобы полы моего платья не прищемила дверь... если я выбегаю курить во время фуршета, выносит свое пальто и ласково укрывает им мои плечи – «холодно, простудишься»... прикуривает для меня сигарету...

заботливо предлагает взять его под руку, чтобы я не споткнулась, не оступилась на каблуках...

Кстати, даже на высоких шпильках я гораздо ниже его, что не может не радовать...

Его имя означает «стремление к солнцу», но я вижу, как он тянется ко мне... Отгоняю глупые мысли и дурацкие фантазии, невольно закрадывающиеся в голову, понимая, что у нас мало общего и разница в возрасте настолько существенна, что иное отношение, кроме покровительственно-материнского, будет вызывающе смешным и нелепым... Но я впервые за долгие годы чувствую такую небывалую легкость и незамутненность, искреннюю летящую радость, юную силу и воодушевление, несущие по просторам этой страны, неподвластное контролю алхимическое взаимодействие, творящееся между нами, что поддаюсь головокружительной эйфории, отпускаю себя и перестаю думать...

Он забирается за мной следом на все горы и склоны, подходя к самому краю провалов, манящих бездной первородных живописных ущелий, припадает чувственным ртом к родникам, из которых жадно пьет ледяную кристально чистую воду, а потом, складывая ладони лодочкой, предлагает напиться из его рук, в старых храмах ставит тонкие восковые свечи, непременно зажигая их от моей, ловит меня внизу, когда я спрыгиваю с очередного камня, не прижимая, не вольничая, но деликатно, крепко и надежно поддерживая, так, что я ощущаю силу его мускулов, играющих под кожей... Артак срывает для меня яблоко в заброшенном саду, надкусывая которое я ощущаю невыразимую сочную сладость, впервые, наверное, испытанную искушенной Евой. Он бережно стирает каплю сока с уголка моего рта и надкусывает свой плод.

Пытаюсь понять: это всего лишь вежливость настоящего мужчины, выросшего в южной стране, профессиональная, по высшему разряду отработка задания, полученного от организаторов, четкая, нефамиллярная, исключающая иные толкования, или что-то еще?... Теряюсь. Говорю себе, что я только недавно получила очередной болезненный урок и негоже мне, взрослой девочке, саму себя провоцировать на иллюзорное увлечение, похожее на инцест, – уж слишком разные возрастные и ментально-весовые категории получают у партнеров на этом ринге. Регулярность моих ошибок наводит на мысль о детской инфантильности, любви к самообману, психической неполноценности и привычке к шаблонным вариантам развития событий, где итог – несложившиеся отношения, потерянное пьяное одиночество с параноидальным оттенком ужаса, – так будет всегда...

* * *

Утром наш «Ковчег» vyplывает из объятий города, стремясь к новым впечатлениям и горизонтам, к городу Гюмри, но сначала нам предстоит несколько знаковых остановок. Первая из них – Цицернакаберд.

Девушка-экскурсовод в здании мемориального комплекса поражает иконописным, вдохновенным лицом, без следа косметики, – с нее надо писать картины. Впрочем, мужчины тут тоже бывают поразительно красивы... Главное, это их глаза, полные вековой мудрости...

Душа очищается только благодаря светлым чувствам: от любви, сопереживания, осознания... Она должна расти с открытыми глазами, принимая и то, что, по сути, бывает принять и понять страшно. Мемориал погибшим от геноцида 1915 года – Великого Злодеяния – неожиданно для меня самой вызывает слезы... Они катятся градом, а душа разрывается болью... Мы кладем у вечного огня белые гвоздики, по одной, медленно и торжественно, и я чувствую, что для каждого из нас это не просто очередное мероприятие или дипломатическая повинность, а необходимость отдать дань памяти, принять в себя часть этой боли, чтобы не забывать, не допустить повторения, стать чище самим и не причинять зла, кому бы то ни было и в чем бы это ни заключалось... Спешу отойти в сторону, чтобы не вызывать ненужные вопросы и не быть заподозренной в излишней показной сентиментальности. Это можно переживать только наедине, не напоказ. Вижу, как опускается на одно колено и крестится известный польский писатель Януш Леон Вишневский. Он – один из нас, обитатель «Ковчега».

Эмоции бьют через край. Честно говоря, я и не подозревала, что способна с такой силой ощутить такого рода сопричастность. Я вспоминаю теракты и взрывы в Москве и других городах... Печально известный захват заложников во время музыкального представления «Норд-Ост», теракты в переходе на Пушкинской, в метро на нескольких станциях – между Павелецкой и Автозаводской, у входа на станцию Рижская, взрывы домов на улице Гурьянова и на Каширском шоссе... Мы все тогда жили в страхе. Даже те, кому повезло не находиться в это время в гуще событий или поблизости... Мы боялись ездить в метро, ходить по улицам, спать в своих домах... Люди сами организовывали дежурства и патрулировали город, свои районы, дома, чтобы семьи были хоть как-то защищены...

Стыдно признаться, но, когда я услышала о трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, о том, как террористы-смертники захватили лайнеры и направили их в башни Всемирного торгового центра в Манхэттене, меня больше всего волновало, как там моя мама и подруга, живущие в этом городе, чем сам факт ужасной трагедии. Я тогда уже так устала бояться и переживать, устала видеть на экране телевизора в новостях очередные окровавленные тела своих соплеменников и бояться, что среди них могут оказаться мои близкие и друзья, что ощущение трагедии в Нью-Йорке быстро сменилось облегчением, что с мамой, ее мужем и моей подругой все в порядке. Я понимала, что это неправильно, что моя душа должна болеть и за тех, кто безвинно погиб там, но она была пуста...

Страх и боль вокруг человека на протяжении некоторого длительного времени изменяют его психику, чтобы сохранить рассудок и не допустить нервных срывов... Думаю так... К тому же я должна была заботиться о своей годовалой дочери, а Москва только выплывала из летней гари торфяных пожаров, затянувших невиданным доселе смогом весь город. Иногда не было видно не только соседних домов – даже ближайших деревьев. Молочно-белая мгла с запахом гари проникала всюду, а уехать куда-то мы тогда не могли...

Медленно идем обратно к автобусу. Роберт спрашивает, не красные ли у него глаза. Его еще больше, чем всех нас, задевает боль его народа, тем более что это относится и к его семье, к истории рода...

– Я не понимаю, – горячо говорит он мне, – как можно быть настолько ущербным, чтобы убивать безвинных женщин и детей? Какая убогая философия должна оправдывать

души тех, кто совершает подобные преступления?.. Как нормальный, вменяемый человек может пойти на такое?..

– Я тоже не понимаю этого, Роберт-джан...

Точно так же, когда я смотрю от Хор Вирапа на Арарат, ощущаю боль от его потери, словно это я его потеряла. В 1921 году Сталин отдал Арарат Турции, и я чувствую стыд, хотя меня тогда еще не было на свете, а даже если бы и была, то что с этого?.. С болью смотрю на полосу отчуждения, видную невооруженным взглядом... По армянской легенде, гора Арагац – сестра горы Арарат. Однажды любящие друг друга сестры поссорились. Тщетно пыталась их помирить гора Марутасар; разгневанная, она прокляла их обеих, – они оказались навсегда разлученными, как и сама Армения с Араратом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.